

СВАЛКА КОСТЕЙ

В письме к сестре от августа 1916 года один боец изумляется фантазмагории траншей и воронок, исковеркавших весь ландшафт, и дальше пишет: «Я совершенно не в состоянии себе представить, как это можно выровнять обратно»¹³⁷. Выравнивание продолжается и по сей день. Поначалу многим казалось, что вернуть эти места к жизни будет невозможно; высказывались предложения попросту забросить эту землю. В 1919 году поля сражений выглядели практически так же, как и в 1918-м, однако теперь их могли посещать туристы, пользуясь мишленовским «Иллюстрированным путеводителем по полям сражений (1914–1918)», написанным по-английски и изданным в Англии. Постепенно восстановили дороги, засыпали воронки и траншеи, собрали и обезвредили неразорвавшиеся снаряды; прибрали и закопали в землю самые неаппетитные следы сражений, и крестьяне начали возвращаться в родные места и заново отстраивать свои жилища; чуть ли не полностью разрушенные города возрождались на прежнем месте в точности в своем довоенном облике.

Сегодняшняя Сомма — край мирный, но несколько угрюмый, не склонный забывать и прощать. Местные жители — они в основном заняты выращиванием овощей и зерна — вежливы, но не дружелюбны. Бродя сегодня по полям, которые еще долгие века будут изрыгать ржавые куски металла, можно самым нутром почувствовать доносящееся из них эхо июля 1916 года. В сырые дни запах ржавого железа стоит повсюду, хотя глазу предстают только посева пшеницы и ячменя. Фермеры трудятся на полях без видимой радости. Они подбирают неразорвавшиеся снаряды, ящики из-под боеприпасов, запалы и куски старой колючей проволоки, которые выворачивает плуг, и складывают их на краю пашни. Иногда старая проволока, как английская, так и немецкая, используется для ограждения. Многие воронки видны и по сей день, хотя края их сгладились и поросли травой. Воронки от мин слишком велики, природе их не осилить, а потому они практически не изменились. Во второй половине дня, когда солнце стоит низко, на пологих склонах невысоких холмов видны следы зигзагообразных траншей. На многих фермах, на задних дворах, по-прежнему стоят бревенчатые постройки, которые когда-то возводили для тыловых британских подразделений; из этих построек вышли удобные сараи. Стоит свернуть с дороги, и из-под дерна начинают лезть на

свет красноречивые мелочи: металлические пряжки, обоймы проеденных коррозией патронов малого калибра, металлические крышки от ящиков с боеприпасами, фрагменты банок из-под тушенки, пуговицы.

Сегодняшний Альбер — одно из самых грустных мест во всей Франции. Он был возрожден во всем своем первоначальном уродстве. Краснокирпичный собор выглядит точно так же, как и до войны, купол опять украшает позолоченная статуя богоматери, стоящая совершенно прямо. Однако хотя внешне город и выглядит «нормальным», похоже, всё человеческое в Альбере было истреблено навеки. Местные жители угрюмы. Повсюду висит дух невысказанной обиды: почему это их обошли прогресс, изыски и богатство современной Франции. Повсюду чувствуется скрытая злоба по поводу того, что они обречены жить на этой захолустной свалке, где даже посевам приходится пробиваться из почвы, когда-то отравленной газом.

Это воистину свалка костей. Кости пробиваются на поверхность чуть не каждую неделю. В зависимости от настроения того, кто их обнаружил, их либо тихонько закапывают обратно, либо забрасывают в ближайшие кусты, либо откладывают в сторону, чтобы передать сотрудникам бывшего Имперского комитета по воинским захоронениям, а ныне — Комитета Британского содружества, который надзирает за 2500 британскими военными кладбищами из своих отделений в основных городах. Кладбища эти представляют собой зрелище одновременно привлекательное и странноватое: они засажены розами и выглядят до такой степени мирными, что это переходит в иронию. Они являются памятниками не только тем, кто здесь похоронен, но и талантам Редьярда Киплинга в области словесности и риторики. Именно ему было поручено разработать практически все языковые формулы, которыми пользовался Имперский комитет по воинским захоронениям, от «Имена их да будут жить вечно» — фразы, которая высечена на крупном «памятном камне» на каждом кладбище, до фразы, украшающей надгробия неизвестных солдат: «Павший в Великой войне, / Чье имя ведомо Богу». Куда более пронзительно, душераздирающе звучат слова, которые были сочинены не Киплингом, а родственниками погибших: после долгих препирательств с Комитетом по поводу «отклонения от единого образца», им было позволено сделать собственные надписи. Помимо извечных надежд на новую зарю и уход ночи, есть здесь и более «современные», то есть более индивидуальные, самобытные и исполненные отчаяния.

Наш дорогой Тед. Он умер за нас.

...

Наш Дик.

...

Если бы любовь могла спасти, он был бы жив.

А некоторые и вовсе отказываются от всяких заигрываний с языком официальной памяти:

Такую скорбь не выразишь в словах.

Печально известный Варланкурский пятачок, пятидесятифутовое возвышение на дороге в Бопом, с которого немцы мужественно сдерживали британское наступление осенью и зимой 1916 года, давно зарос; здесь царит молчание. От самого его подножия простираются поля, на которых то тут, то там видны вмятины, неизгладимые напоминания о воронках от бомб и снарядов. Десятки тысяч людей просто исчезли здесь без следа. Липкая грязь толстым слоем окантовывает ботинки, пока вы поднимаетесь на вершину холма сквозь густой подлесок. На вершине можно устроить пикник, если душа к этому ляжет, и осмотреть крупный, подточенный временем деревянный крест, который немцы установили на вершине и, судя по всему, обновили в конце Второй мировой. На нем вырезано единственное слово: Friede*.

БУДЕТ ЛИ ЭТОМУ КОНЕЦ?

По ходу войны вероятность того, что мир рано или поздно все-таки наступит, часто подвергалась серьезному сомнению. Не надо было быть умалишенным или вконец отчаявшимся визионером, чтобы всерьез рассматривать возможность того, что война не закончится никогда — в буквальном смысле этого слова — а превратится в перманентное состояние человечества. Патовая ситуация, сопровождающаяся постоянной убылью личного состава, будет тянуться до бесконечности, превратившись, подобно телефону и двигателю внутреннего сгорания, в составную часть нового, современного миропорядка. А почему бы и нет, ведь новый мир по сути своей

---

* Мир, покой (нем.).